

© Ковалев В. И., Ракитянский Н.М., Зинченко М.С.
Kovalev V., Rakityansky N., Zinchenko M.

О «БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ» НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ. КАК ПОНИМАТЬ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

(Политологические и политико-психологические аспекты)

ON THE "GREAT WAR" NEAR AND MIDDLE EAST. HOW TO UNDERSTAND AND WHAT TO DO?

(Political and political-psychological aspects)

Аннотация. В статье дается попытка прогноза развития конфликтной ситуации вокруг Ирана. Показана возможность начала «большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке. Обосновывается вывод о том, что война, по убеждению ее инициаторов – победная, причем обязательно в «конвенциональных» условиях, является важным аргументом США для сохранения геополитического лидерства. Показаны политические стратегии, дающие возможность Ирану при определенных условиях обеспечить деэскалацию военного противостояния. Рассмотрены условия не вовлечения России в «большую войну».

Annotation. The article presents an attempt to forecast the development of conflict with Iran. The possibility of the beginning of the "great war" in the Middle East. The conclusion is that the war, in the opinion of its initiators - winning, and always in the "conventional" conditions, is an important argument for the preservation of the U.S. geopolitical leadership. Showing political strategies that enable Iran under certain conditions to ensure the de-escalation of military confrontation. The conditions did not involve Russia in the "Great War."

Ключевые слова. «Большая война», вооруженный конфликт, геополитическое лидерство, поведенческие стратегии, деэскалация, неконвенциональная война.

Key words. Major war, armed conflict, geopolitical leadership, behavioral strategies, de-escalation, non-conventional war.

1. Зачем Америке нужна «большая война»

Один из авторов концепции «циклов лидерства» американский политолог Дж. Модельский утверждает, что война «оправдывает и узаконивает международную систему статусов, на вершине которой находятся великие державы; в свою очередь, статусная система рассматривает войну как средство своего самосохранения» [1]. В рамках этого подхода глобальные процессы, которые происходят в системе современного мира, с неизбежностью ведут к существенным трансформациям его статусной структуры, которая представляет собой три базовых элемента: *центр, полупериферию и периферию*. Эти изменения представляется возможным рассматривать как потенциальный источник крупномасштабных военных конфликтов.

Системный кризис, соединив в себе разбалансированность пиратствующей финансовой системы при исчерпании модели экономического роста на основе кредитного стимулирования потребления, подвел страны Запада во главе с США к черте стратегического ресурсного голода, увеличив тем самым риск военного разрешения конкурентных противоречий. Положение усугубляется и духовным кризисом современного Запада, который в свое время, поддавшись торгашескому азарту, променял Библию на кодекс прав и свобод человека, истощив в итоге до последнего предела и свой духовный ресурс.

В последнее время активно обсуждается тезис о том, что сегодняшний мир находится накануне масштабных геополитических и технологических сдвигов. Мир

Ковалев Виктор Иванович – кандидат технических наук, ученый секретарь, секция АВН, тел. (495)543-36-76;
Ракитянский Николай Митрофанович – доктор психологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, тел. 921-83-53;
Зинченко Максим Сергеевич – кандидат политических наук, доцент Пятигорского государственного лингвистического университета.

Kovalev Victor – Ph.D., Scientific Secretary, the section of AMS, tel. (495) 543-36-76,
Rakityansky Nikolay – Ph.D of Psychology; Moscow State University of M.V. Lomonosov, tel. 921-83-53,
Zinchenko Maksim – Ph.D in Political Science, Associate Professor, Pyatigorsk State Linguistic University.

переживает фазу «великих потрясений» в мировом эволюционном цикле, который начался в 1980-х годах и предположительно закончится к середине XXI в. [2].

Мир-систему ожидает нарастание экономической, политической и социальной нестабильности, которая, по мнению экспертов [3], приведет ко второй волне глобального экономического кризиса. Этот этап кризиса может стать историческим рубежом в развитии мирового политического устройства. При этом ожидается дестабилизация мировой финансово-экономической и политической системы, которая породит небывалый рост социальной, а также внутри- и внешнеполитической напряженности в большинстве стран мира.

Вторая волна кризиса поставит основных игроков G20 перед необходимостью найти альтернативы слабеющему доллару, оптимизировать механизмы регулирования финансовых рынков, сбалансировать условия международной торговли, искать способы стабилизации цен на продовольствие.

Политические и финансово-экономические кризисы 2012–2014 гг. могут стать прелюдией к драматическим событиям предполагаемой третьей, завершающей части (2014–2018 гг.) «великих потрясений». Эти события могут определяться неконтролируемым и непредсказуемым распадом нынешних геополитических и социальных структур. Таким образом, в период с 2012 по 2018 гг. мир может стать свидетелем важнейших геополитических трансформаций.

По оценкам экспертов РАН, нынешняя фаза «великих потрясений» должна завершиться приблизительно в 2017–2019 гг. очередным кризисом [3]. Однако он будет не столь глубоким и тяжелым, как кризисы 2008–2009 гг. и 2011–2012 гг. Предполагается, что он будет сопровождаться оживлением в мировой экономике, лидеры которой перейдут на новый технологический уклад, формирующийся в процессе перехода от пятого «кондратьевского цикла» к шестому [3].

Причем, как обычно это бывает при переходе от одного «кондратьевского цикла» к другому, процесс трансформации с высокой вероятностью будет сопровождаться крупными региональными военными конфликтами с участием ведущих мировых держав и ряда развивающихся стран. В период с 2016 г. по 2020 г. возможными регионами военно-политических конфликтов могут стать скорее всего Ближний и Средний Восток и Центральная Азия.

Согласно оценкам экспертов РАН, итогом нынешнего финансово-экономического кризиса неизбежно станет кардинальное изменение расстановки сил на

политической карте мира. Завершается единоличное военно-политическое господство США в мире, а также их мировое экономическое лидерство, продолжавшееся целое столетие [3]. США не выдержали испытания монополярностью, истощив себя непрерывными войнами на Ближнем и Среднем Востоке в последнее десятилетие. У США сегодня недостаточно ресурсов, чтобы оставаться мировым лидером. «Роль США как сверхдержавы заканчивается», – заявляет федеральный министр финансов Германии П. Штайнброт [4].

Реальная многополярность предполагает более сбалансированное международное распределение богатств, а также трансформацию международных институтов – ООН, МВФ, ВБ и других. Особенно устарели глобальные институты управления мировой экономикой – МВФ, ВБ и др. В них сегодня главенствуют интересы США и Западной Европы и слабо представлены интересы стран с быстроразвивающимися экономиками. Недавно даже сам МВФ на своей очередной годичной сессии 2011 г. признал, что «Вашингтонский консенсус» окончательно рухнул и призвал создать такую глобальную экономику, в которой станет меньше рисков и неопределенности, финансовый сектор будет регулироваться государством, а доходы и блага будут распределяться по справедливости [4].

В последнее десятилетие активно обсуждаемой темой в экспертном сообществе является предположение о том, что центр мирового экономического развития переместится с Запада, где он находился с начала промышленной революции, на Восток – в Азию. Указывается, что совокупная доля Восточной Азии и Южной Америки в мировом ВВП достигнет уже к 2020 г. порядка 60%, из которых 45% будут приходиться на одну только Азию [3].

Следуя такой логике, политологи выстраивают гипотезу о том, что экономический рост неизбежно приведет к усилению самостоятельности и политического веса Азиатско-Тихоокеанского региона. При этом делается вывод о том, что именно таким образом может быть положен конец отжившей свой век геополитической структуре с центром на Западе. В рассматриваемом случае Китай и Индия как две великие державы с самым многочисленным населением в мире определяют основные направления и темпы будущего мирового экономического развития. Утверждается беспорность тезиса о том, что главная битва за мировое лидерство развернется между США и Китаем, которая и определит социально-экономическую модель постиндустриального мира, а также доминирующий тип политической системы XXI века.

Политологи, которые придерживаются подобного подхода, могут сколько угодно программировать общественное мнение и гипнотизировать себя рассуждениями о скорой утрате политического лидерства Западом. Но, говоря словами американского классика, «слухи об этом сильно преувеличены». При всех известных противоречиях правящих элит «золотого миллиарда», при всех проблемах нынешнего экономического кризиса и возможных будущих мировых потрясений Запад консолидирован и преисполнен мессианской решимости осуществлять свою экспансионистскую доминантную политику в планетарном масштабе на основе своих идейно-догматических оснований при «руководящей и направляющей роли» англо-американского протестантизма. Именно англо-американский тип мировоззрения и мышления, в основе которого лежат незыблемые догматы протестантизма, способен добиваться невиданных практических результатов в политике и экономике в сравнении с подражательным типом мышления в языческих цивилизациях Китая, Индии и пр. [7].

В свое время ещё М. Вебер, изучив буддизм, индуизм, конфуцианство, пришел к выводу, что ни одна из этих религий не обеспечила и не могла обеспечить основ капитализма западного типа с его уникальными возможностями осуществлять все виды экспансии [8].

Казалось бы Китай, Индия, Индокитай, весь полуторамилиардный исламский мир, а также и экваториальная Африка, составляющие абсолютное большинство человечества должны представлять собой главенствующую основу мирового сообщества и задавать ему направление развития. Однако в этом аспекте о них даже не может идти речи, несмотря на очевидные успехи того же *языческого* и потому *бессубъектного* Китая, лидерские и гегемонистские амбиции и потенции которого непомерно преувеличены.

Реальными господами современного глобального мира выступают ментально структурированные и весьма малочисленные *субъектные* политические образования, опирающиеся на основы протестантского ментально-догматического мышления. Они способны в отличие от всех остальных осуществлять *проектные* функции в геополитике, проводя при этом антихристианскую политику как в постхристианском мире, так и за его пределами.

США в качестве государства существуют немногим более двух столетий и составляют весьма небольшую часть в населении планеты. Но как реальное ментальное образование они опираются на свои унифицированные истины *a priori*, которые они догматически предписывают всем иным государствам мира.

Вместе с тем Китай, который существует четыре тысячи лет и по количеству населения многократно превосходит Соединенные Штаты, в силу своего *языческого* и потому недогматического и *бессубъектного* менталитета ни на какую общезначимую истину *a priori* для предъявления ее всему миру не претендует и претендовать не может. Как следствие, вместо «строительства коммунизма» он ускоренными темпами под руководством КПК строит буржуазное общество потребления по заёмному образцу, но с китайской спецификой, принимая извне, *копируя* экономические, правовые, этические и ментальные нормы и стандарты.

Индия и всё дальневосточное язычество также представляет собой хотя и густонаселенные, но ментально *инертные* образования. Это позволило им сохраниться, несмотря на разрушение других языческих культур ментальной экспансией евроатлантического протестантизма. В результате этой экспансии и на Дальнем Востоке, и в Индии установка *языческой* ментальности на *подражание* природным и космическим процессам заменяется установкой на *подражание* стандартам западной цивилизации, прежде всего в ее англо-американском варианте.

В процессе глобализации происходит дальнейшее нарастание кардинального расслоения человечества еще по одному принципу. Лидирующие *субъекты* передовых научно-технических, опытно-конструкторских, технологических разработок, ноу-хау и пр. неизменно воспроизводятся в США, в Западной Европе и в России, выражая *технократическую* экспансию европейского, субъектного, т.е. креативного типа менталитета [8]. При этом, что вполне закономерно, основные производственные мощности и обслуживающее технику население сосредоточено в *бессубъектных*, т.е. *адаптивно-го* типа политических образованиях, относящихся главным образом к тем менталитетам, где утвердилась и получила развитие многотысячелетняя языческая традиция *заимствования* и *подражания*. Прежде всего, это Дальний Восток, выполняющий *объектную* роль в АТР и в глобальном «разделении труда» в целом [9].

В 60–70-е годы и позже мир поражался рывку тихоокеанского региона во главе с Японией. Но тихоокеанская эпопея, если не брать во внимание одни только технико-экономические показатели, на самом деле весьма банальна. Речь идёт всё о том же эпигонстве, заимствовании, языческом *заимствовании* и *подражании* евроатлантической модели, которая насаждалась не только во время, но и после американской военной оккупации Японии в 1945 г. [10].

Тем не менее все успехи, очевидные и несомненные достижения современного Китая в ментальном плане построены на основе традиции *заимствования* и *подражания* стандартам и достижениям *субъектных* и *креативных* цивилизаций в лице США, Европы и России, а теперь уже и Японии.

В связи с этим мы вправе поставить простой, но фундаментальный вопрос – как может *подражательно-адаптивная* китайская цивилизация, повторяющая зады первопроходцев современной цивилизации, претендовать на роль лидера в стремительно глобализирующемся мире, где первенство давно захвачено, утверждено и поделено *креативными* цивилизациями?

Как в *качественном* и *креативном* плане может претендовать на мировое лидерство страна, где вся наука, техника, современное промышленное производство, освоение космоса, организация армии и флота, даже военная форма выполнены по западным, а в недалеком прошлом по советским образцам?

Для китайцев наивысшей ценностью был и остается сам Китай, а не лидерство и тем более не мировое господство. Идея тотального доминирования и расширяющейся экспансии – отличительная черта англосаксонского мира, руководимого духом морских разбойников и торговцев, как метко заметил О. Шпенглер. Вместе с тем Пекин в локальном плане отчетливо претендует на главную роль в пределах Евразии и едва ли откажется от своих претензий. Этим целям служит реализуемая Китаем концепция «мягкой силы», проводимая через культурное влияние, совместные проекты и финансовое участие [11].

В отличие от Китая операторы власти однополярного мира и элита «золотого миллиарда» агрессивно, последовательно и тотально утверждают свои ценности и стандарты в процессе глобализации в качестве общеобязательных требований ко всему миру как неотъемлемые условия своего лидерства. Действуют они, говоря словами А.С. Панарина, в духе мессианской самоуверенности, догматически-репрессивными, тоталитарными методами [12]. Они не останавливаются перед угрозой применения военной силы и собственно её применением. Достаточно вспомнить о ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., о трёх миллионах вьетнамцев, погибших в результате американской агрессии в 60-е – 70-е годы XX в. Не будем также забывать о многочисленных государственных переворотах, организованных спецслужбами США, наконец, о бомбардировках Югославии с последующим её расчленением, разрушении Ирака, Афганистана, Ливии, о скрываемой, но реаль-

ной агрессии против Сирии.

Для того, чтобы понимать и прогнозировать происходящие в мире глобальные процессы, необходимо помнить догмат, лежащий в основе национальной стратегии Соединенных Штатов – догмат неприемлемости для Америки потери мирового лидерства. Как показывает анализ американских декларативных документов, главенство в мировой геополитической иерархии рассматривается американским правящим режимом и политической элитой как необходимое условие процветания и развития страны в XXI веке.

Результаты математического моделирования геополитической динамики, которое проводили аналитики Академии военных наук совместно с РАН, позволяют сделать вывод о том, что победная война, причем обязательно «конвенциональная», является практически единственным инструментом США для нейтрализации риска утраты геополитического лидерства [3]. При этом мы должны понимать, что лидерство как таковое имеет для слабейшего мирового гегемона по-американски чисто прагматический характер. В первую очередь оно необходимо для обеспечения потребительских интересов «золотого миллиарда», то есть оно прямо или косвенно направлено против остального человечества. Глобальное лидерство – это своеобразный и довольно надёжный сертификат на право безраздельного владения, распоряжения и пользования всеми ресурсами планеты.

Способ поддержания доминирования посредством инициирования крупномасштабного вооруженного столкновения давно известен в политической теории и практике. На основе этого можно постулировать следующую закономерность: кардинальное изменение геополитической конфигурации мира, в том числе и обуславливающее возможность смены лидера, реализуется только при соответствующих радикальных изменениях геополитических качеств ведущих стран мира. Крупномасштабная война как раз и приводит, как показывает история, к таким изменениям. Существует, конечно, и «холодный» способ нейтрализации геополитических противников – по типу того, что произошло с Советским Союзом. Отработка и «доводка» такой технологии продолжается и сейчас в рамках так называемой «арабской весны». Но он не может пока рассматриваться как универсальный поскольку, например, пока неприменим к Китаю, Ирану и др.

Интересно отметить, что США уже как минимум трижды пользовались военным способом кардинального геополитического возвышения. Как показывает анализ политической конфигурации мира после двух мировых

войн, США всегда получали в итоге существенную геополитическую выгоду, повышая свой статус, изменяя в свою пользу «геополитическую дистанцию» между мировым лидером или другими претендентами.

Так, в результате Первой мировой войны Соединенные Штаты почти на треть сократили геополитическое отставание от тогдашнего лидера – Британской империи [5]. Более того, интересно отметить своего рода парадокс, выявленный количественно, и вполне согласующийся с выводами историков – США оказались единственным государством, которые в итоге увеличили свой *геополитический статус* по сравнению с его довоенным уровнем [5].

Вторая мировая война «помогла» США на фоне ослабленной Европы и разорённого Советского Союза стать мировым лидером, а последующий распад СССР, справедливо названный геополитической катастрофой XX века, избавил, правда, лишь на некоторое время, от опасного идеологического и геополитического противника.

Тем не менее это дало Соединенным Штатам лишь короткую передышку, поскольку почти мгновенно, по историческим меркам, появился новый претендент, новый геополитический соперник – Китай. При этом Китай, по нашему мнению, опасен не столько как претендент на лидерство, сколько как претендент на сверхнормативное с точки зрения США, потребление мировых ресурсов, что объективно создает проблемы для «золотого миллиарда». Возможность нейтрализации этих проблем при стремительно развивающейся КНР обеспечивает, как уже отмечалось, только война. При этом суть американского подхода заключается в том, что атаке подвергается не сам претендент, а другое государство, выбор которого определяется «ценой вопроса».

Таким образом, если в свое время с помощью Югославии, Ирака и Афганистана американцы пытались решить более мелкие экономические и «субгеополитические» проблемы, то при данной «большой ставке» нужен будет уже соответствующий «большой партнер». По мнению военных аналитиков, именно Иран совместно с неарабскими шиитскими силами типа «Хезболла» в Ливане и Сирией более всего подходит на роль такого «невольного партнера» по новому переделу ресурсов, который, естественно, реализуется за их счет [6].

Процесс передела уже запущен. В настоящее время в результате спровоцированной и управляемой Америкой «арабской весны» сформированы условия для того, чтобы объединить государства исламского мира в новый «арабский халифат», заменив их лидеров на новых американских ставленников. Кроме сохранения

контроля над мировой нефтегазовой сокровищницей, вооруженный Западом и опирающийся на исламский фундаментализм союз единоверных мусульманских государств призван защитить американскую экономику и в целом энергетические интересы США на Востоке и в Африке. Возникает вопрос – «от кого»? По мнению экспертов, в первую очередь от неуклонно растущей экономической и военной мощи Китая.

В свете вышесказанного следующим логичным шагом США является ликвидация последнего препятствия на пути к реализации планов по сохранению американского доминирования. Этими препятствиями и являются Сирия и Иран. «Мирный» способ свержения руководства Исламской Республики Иран, как известно, потерпел неудачу. Поэтому, как отмечают военные аналитики, в отношении него будет применен тот же сценарий, что и в Ираке и Афганистане, несмотря на то, что сегодня США без людских и материальных потерь даже не могут вывести отсюда войска.

Ожидается, что кроме экономического важным результатом предполагаемой победы Америки в «большой войне» станет реализация проекта «Новый большой Ближний Восток». Этот проект должен нанести весьма серьезный ущерб не только Китаю, но и России. Планы по «переформатированию» Ближнего Востока уже озвучены в Америке в связи с опубликованием так называемой «карты Петерса» в журнале «Armed Forces Journal».

Как следует из опубликованных материалов, Россия и Китай «изгоняются» из Средиземноморья и среднего Востока, Россия отсекается от Южного Кавказа и Центральной Азии, а Китай лишается последнего стратегического поставщика энергоносителей.

«Новый большой Ближний Восток» исключает для России мирные перспективы, возможность хоть какого-либо относительно «спокойного» развития, поскольку нестабильный и находящийся под внешним управлением США Южный Кавказ станет зоной постоянной напряженности и «детонатором» для «взрыва» Северного Кавказа. А поскольку при этом главную дестабилизирующую роль будет играть исламский фундаментализм, то в «зону поражения» попадут и другие субъекты Российской Федерации.

Америка уже не в состоянии экономическими и политическими методами поддерживать режим «Вашингтонского консенсуса». В этой связи совершенно определенно высказалась «Жэньминь жибао»: «США превратились в "паразита", который живет за счет экономик чужих стран. Опираясь на доллар в качестве международной валюты, Соединенные Штаты выпускают огромное количество купюр, экспортируют доллары в обмен на товары.

Эта уродливая финансовая система обеспечивает американцам роскошную жизнь. Доллар грабит весь мир и сейчас происходит его крах». Здесь необходимо отметить, что 17 ноября 2011 года премьер-министр Российской Федерации в ходе визита в Китай выразил практически солидарную позицию.

Сегодня Китай активно «работает» над вытеснением доллара, и доля доллара в валютных резервах КНР неуклонно снижается. В апреле 2011 г. ЦБ КНР информировал о полном отказе от доллара в международных взаиморасчетах. Понятно, что такой удар по американской системе экономического доминирования не может остаться без ответа.

Неустанно в направлении вытеснения доллара «работает» и Иран. В июле 2011 г. заработала иранская Международная нефтяная биржа. На ней расчет по сделкам осуществляется только в евро и эмиратских дирхамах. Одновременно ведутся переговоры с Китаем об организации поставок китайских товаров в обмен на иранскую нефть. Тем самым появляется возможность обойти санкции в отношении Ирана. Президент Ирана заявил о планах достичь рубежа двусторонней торговли Ирана с Китаем \$100 млрд. В этих условиях усилия США по организации международной изоляции Ирана теряют всякий смысл.

Эти неприемлемые для США тенденции по всей видимости имеют необратимый характер и способны вызвать резкую реакцию вплоть до организации «силового» противодействия возникающим вызовам и угрозам. По мнению экспертов, умышленный подрыв стабильности в странах Ближнего Востока и Магриба – результат активных действий США, которые могут рассчитывать на то, что уничтоженная инфраструктура стран региона потребует колоссальных долларовых вливаний. Восстановление разгромленной после «большой войны» экономики Ирана и Сирии также будет способствовать экономическому оживлению США.

Таким образом, становится ясно, что реализуемая Америкой стратегия удержания мирового лидерства в меняющемся мире уже начинает переходить в реальную политику «с позиции силы», где выход из кризиса долговой экономики «бумажного доллара» видится, в том числе и в «обнулении» долговых учетных записей «пузыря» пустого богатства. Для этого и становится необходимой «большая война», по итогам которой победитель, как и в свое время в Бреттон-Вудсе, рассчитывает диктовать свои условия остальному миру. Воля к ведению войны для Америки при перспективном рассмотрении является волей управлять после войны.

2. Исламский фактор в военных стратегиях США на Ближнем и Среднем Востоке

Немецкий писатель Томас Манн незадолго до начала Второй мировой войны прозорливо заметил, что война – «всего лишь бегство от проблем мирного времени». В тон ему высказался и французский прозаик Ромен Роллан: «К войне как к крайнему средству прибегают лишь государства-банкроты. Война – последний козырь проигравшегося и отчаявшегося игрока, отвратительная спекуляция мошенников и аферистов...».

Президенту США Д. Эйзенхауэру принадлежит высказывание, которое по сей день характеризует суть американской политики: «Мы добьемся мира, даже если для этого нам придется воевать». Естественно, он имел при этом в виду мир, устраивающий Америку. Вместе с тем нельзя не понимать, что эта риторика предназначена только для одного – для оправдания возможности ведения войн в современном мире.

Войны «за мир во всем мире», которые развязывают США, являются показателем неспособности американской политической системы разрешить букет острейших проблем, связанных с надвигающимся крахом доллара как мировой резервной валюты и крушением американской финансовой пирамиды.

О том, что США открыто взяли курс на силовой передел мира и демонтаж всей системы международного права, включая также отмену права вето СБ ООН, официально объявила предпоследний директор отдела стратегического планирования Госдепартамента США А.М.Слейтер-Берг 9 июня 2012 г [13]. По ее данным, кроме того, что в ближайшее время будет нанесен сокрушительный удар по экономикам Европы и России, план США предусматривает последовательное осуществление следующих военно-политических акций:

1. Физическая ликвидация президента Б.Асада с последующей организацией в Сирии резни христиан, аллавитов, друзов, представителей других конфессий и малых национальных групп.

2. Упреждающий удар по «Хезболле» в Ливане с организацией провокации против Ирана и запуском процесса физического уничтожения христиан и коптов.

3. Подготовка и проведение военной операции «Большая гроза» против Ирана.

В дополнение к этому ястребы из Вашингтона, являющиеся евангелическими сионистами¹, активно выступают на американском телевидении якобы с библейскими пророчествами и призывают США поддержать «Царя Севера» (Израиль) в грядущем Армагеддоне против

«Царя Юга» (Иран). Они считают, что победоносная война против Ирана и Сирии даст Западу возможность навязать «божественно санкционированный» новый мировой порядок с учетом интересов империи НАТО-ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития)[14].

Очевидно, что речь, прежде всего, идет о развязывании «Большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке, начало которой готовилось событиями так называемой «арабской весны».

Несмотря на то, что некоторые авторитетные эксперты считают необоснованными выводы о причастности США или их союзников по НАТО к подготовке и организации «арабской весны» [15], они все же признают стремление этих субъектов оседлать «революционную волну» с тем, чтобы убрать те режимы, которые мешают осуществлению их политики на Ближнем Востоке. При этом упорно замалчивается одна особенность, а именно светский характер государственной власти в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии – странах, жертвах «арабской весны».

Более того, исходя из позиции западных сторонников, так называемых демократических преобразований в арабских странах, то по шкале «авторитаризм-демократия» все четыре страны находились на промежуточном уровне между откровенно абсолютистскими нефтяными монархиями (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Оман) и либеральными режимами (Иордания, Марокко). Исходя из логики либеральных политиков Европы и Америки, «арабская весна», представляющая своего рода «четвертую волну демократизации», должна была быть направлена, в первую очередь, против монархических фундаменталистских режимов. Однако этого не произошло. Более того, после подавления саудовскими войсками волнений в Бахрейне ситуация стала складываться прямо противоположно представлениям об «арабской весне» как о волне демократизации[16].

Начавшись не только как естественный, но спровоцированный протест образованной городской молодежи против засидевшихся у власти автократов, «арабская весна» сопровождалась девизом «Надоело! Не верим! Не боимся!». Никакой идеологии, никаких классовых, националистических или религиозных лозунгов. «Свобода народу! Мы все едины!» Но, как и всегда, революцию начинают одни, продолжают другие, а завершают третьи. Арабская интеллигенция была инициатором, но движущей силой стали широкие массы, которым нужны не

свобода и тем более не фантомная демократия, а элементарная справедливость, уважение их достоинства и хлеб. Именно это и стали обещать новые лидеры – исламисты, за которыми народ и пошел.

В целом внимательное рассмотрение ситуации в странах «арабской весны» позволяет сформулировать своего рода универсальную модель переворота. Революция, начинающаяся под либерально-демократическими лозунгами свержения авторитарного режима и использующая для своей победы передовые информационные технологии и возможности, после формальной победы начинает давать сбои. Как только авторитарный режим убран со сцены, на его месте возникает политический вакуум. На политическую ситуацию начинают оказывать влияние настроения наиболее консервативной части населения, которая в силу верности традиции отказывается воспринять предлагаемые либеральные ценности. Страна в зависимости от характера ее социальной структуры либо погружается в хаос межплеменных конфликтов, как Ливия, либо, как Египет, склоняется к установлению фундаменталистского режима, отказываясь от светского характера государства[17].

Только лишь в Сирии этот процесс натолкнулся на препятствия, которые обусловлены составом и структурой ее населения. Так, по данным ООН, в 2011 г. в Сирии проживали 20,8 млн. человек. Арабы составляют 90% населения страны, крупнейшим национальным меньшинством являются курды – около 9%. Население Сирии разнородно и в конфессиональном плане – примерно 16% населения страны составляют различные направления шиитского ислама, 10% – христиане. Остальное население – мусульмане-сунниты[18]. Именно эта поликонфессиональность в значительной мере способствует тому, что политический режим в Сирии еще держится [17]. Так, в попытке избежать жестокой расправы со стороны мятежных суннитских группировок, которая неизбежно последует за сменной сирийской политической элиты, шиитское и христианское население пытается консолидировать свои усилия в борьбе против надвигающейся угрозы. При этом курдское меньшинство, претендуя на автономию, не поддерживает ни тех, ни других, создавая тем самым дополнительные трудности для быстрой победы сторонников «арабской весны».

Следует также отметить, что в Сирии существует мощная культурная традиция мирного сосуществования

1 Евангелический сионизм – это разновидность нееврейского сионизма, которая реализуется в деятельности многочисленных евангелических сект, почитающих иудейского Мошиаха – Мессию. Именно поэтому евангелические сектанты являются приверженцами еврейского государства Израиля, который по их представлениям создает условия для долгожданного явления Мошиаха.

различных этносов и конфессий, уходящая своими корнями в глубину тысячелетий. Важным фактором стабильности является и то обстоятельство, что довольно многочисленная сирийская интеллигенция считается одной из наиболее образованных в арабском мире. Стабилизирующим фактором ситуации в Сирии является отсутствие больших нефтяных денег, которые, как правило, способствуют резкому социальному расслоению.

Значительная часть шиитов Сирии являются *алавитами* – последователями шиитского богослова IX века Абу Шауиб Мухаммад Ибн Нусайра. По причине традиционной закрытости этой общины особенности религиозных убеждений алавитов плохо изучены. Кроме того, алавиты используют тактику «*такийя*», которая позволяет соблюдать чуждые им религиозные обряды при условии сохранения в душе своей веры. Несмотря на это с 1973 г. шииты считают алавитов частью шиитского мира.

В свою очередь сунниты, особенно *салафиты*, относятся к алавизму как к извращению истинной исламской веры. Один из основателей салафизма Ибн Таймия утверждал, что алавиты наносят вред мусульманской общине и запрещал мусульманам вступать с алавитами в гражданские правоотношения по правилам, принятым среди мусульман. В настоящее время в Сирии против законного правительства, во главе которого стоит алавит Башар аль-Асад, воюют мятежники-сунниты [18].

Серьезную опасность для правительства Б.Асада представляет прямая и косвенная вовлеченность в конфликт тех, кто поддерживает оппозицию – «Группу друзей Сирии»: США, Евросоюз, Турция, Саудовская Аравия, Катар и др. [19]. Не менее серьезной проблемой является активность в Сирии, особенно в г. Хомсе, террористических групп Аль-Каиды [17]. Столь откровенная и беспринципная поддержка оппозиционеров была подвергнута резкой критике со стороны России и Китая, увидевших в ней нарушение международных норм уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Несмотря на то, что сирийская чаша весов сейчас пока колеблется, далеко не преувеличением являются сказанные в июне 2012 г. министром иностранных дел России С. Лавровым слова: «От того, по какому пути пойдет сирийское урегулирование, зависит расстановка сил в мире и то, каким будет мир дальше» [19]. При этом высказывание министра требует уточнения. Так, по нашему мнению, сценарий урегулирования ближне- и средневосточной проблемы не только повлияет на последующую расстановку сил в мире, но и сам во многом определяется сложившейся к настоящему времени расстановкой

сил, и прежде всего, непосредственно в регионе Ближнего и Среднего Востока. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема *субъектности* в политических отношениях, которую применительно к обсуждаемому вопросу можно выразить словами А.С. Панарина о том, что «одни народы и государства выбирают свое будущее, с другими – будущее случается».

Реальными субъектами в постмодернистской международной системе политических отношений являются те государства или геополитические образования, которые способны определять направленность и характер как локальных, так и глобальных процессов, формировать сценарии поведения других государств, при необходимости направлять и даже подавлять их волю. Очевидно, что этим требованиям в настоящее время отвечают только США, которые пока ещё имеют высший статус *политико-прагматической* субъектности.

При рассмотрении политической субъектности США представляется необходимым учитывать и то обстоятельство, что американская нация в свое время, поддавшись торгашескому искушению, променяла Библию на кодекс прав и свобод человека. Тем самым отказалась от *онтологической* субъектности как ориентации на высшие смыслы бытия, которые определялись христианством первых веков. Именно поэтому агрессивный характер взаимодействия США с мировым сообществом в XXI веке будет обостряться, будет также усиливаться и антихристианская суть политики США в постхристианском мире [20]. Только *онтологическая субъектность* ведущих держав мира может являться фундаментальным фактором стабильности и мирного развития мирового сообщества.

В настоящее время для сохранения и упрочения своего геополитического доминирования в мире США реализуется, как минимум, три ближних- и средневосточных стратегии с использованием «исламского фактора». Все они способны привести к необходимой для США «большой войне» и в очередной раз показывают предпочтение Америки воевать чужими руками, с предоставлением ими «почетного» «права» начать «Большую войну» в своих интересах кому-нибудь другому.

Так, в марте 2011 г. в Ливии они вынудили это сделать европейских партнеров по НАТО во главе с Францией. В нынешней ситуации с Сирией такая возможность в первую очередь предписывается Катару, Турции и Саудовской Аравии. Для проведения военной операции против Ирана кроме указанных государств, скорее всего, будут привлечены Израиль, страны блока НАТО, а также на определенной стадии Азербайджан, Грузия, Пакистан, государства Средней Азии. При этом во всех случаях адми-

нистрация США, во главе с лауреатом Нобелевской премии мира Б. Обамой будут продолжать руководствоваться принципом М.Т. Цицерона: «Войну надо начинать так, чтобы казалось, что мы не ищем ничего другого, кроме мира».

Базовой «исламской» стратегией, реализацией которой, по-видимому, станет война с Ираном, является разжигание шиитско-суннитского противостояния в регионе. Тем самым Америка и ее суннитские сателлиты постараются расправиться с крупнейшим шиитским государством – Ираном. Это предположение обусловлено следующими фактами:

1. Ось Сирия– ливанская «Хизболла» – Иран угрожает стратегическому союзнику США – Израилю.

2. Укрепление позиций Ирана как мощного шиитского государства республиканской формы правления, также как и наличие в целом успешных светских режимов в отдельных арабских республиках, угрожают феодальным монархиям суннитских стран Персидского залива, начиная с Саудовской Аравии с ее «пуританско-ваххабитским» брендом исламского фундаментализма.

3. После разрушения светского и антимоноархического режима партии Баас С.Хусейна и вместе с ним Ирака, США, опираясь на Эмираты, Израиль и Турцию, сделали все для того, чтобы управлять «арабской весной».

4. Турция как член НАТО и ОЭСР видит себя в качестве суннитского республиканского конкурента Ирана, опираясь на свою новую «умеренно» исламистскую власть и свое оттоманское прошлое в качестве правителя арабов в течение почти 700 лет.

5. Сирия имеет свой светский режим Баас, который оказался под жестким давлением «арабской весны» и ее союзников, продолжающих безжалостно давить на нее с целью «смены режима».

6. США делают все возможное, чтобы сохранить статус-кво в Йемене и в Бахрейне– штаб-квартире 5-го флота США в Персидском заливе, где суннитская королевская семья господствует над шиитским большинством.

7. Суннитский нефтяной эмират Катар продолжает подрывную пропагандистскую войну через Аль-Джазиру против Сирии, хотя ключевые журналисты уходят оттуда, обвиняя эту сеть в изготовлении ложных видеосообщений. Катар также пользуется возможностями военной базы США на атолле Диего-Гарсия в Индийском океане, где дислоцирован штаб Центрального командования США (Centcom)[14].

Вместе с тем процесс принудительной суннитизации Ближнего Востока через усиление и активизацию суннитов Сирии и Ливана приведет к репрессиям в отношении алавитов, а также гонениями на шиитов и хри-

стиан. Если сунниты добьются существенного политического перевеса в Ливане, алавитам припомнят поддержку клана Асадов, а «Хезболле» – убийство ливанского премьер-министра Р. Харири в 2010г., что в итоге также приведет к репрессиям и, возможно, к гражданской войне, в которую будут втянуты и ливанские христиане.

Несмотря на то, что ослабление ближневосточных шиитов и разгром «Хезболлы», представляющей проблему для Израиля, выгодно еврейскому государству, тем не менее это приведет к усилению суннитов, которых вряд ли можно считать более лояльными к нему. Так что в долгосрочной перспективе окруженный со всех сторон вялотекущими гражданскими войнами Израиль не выиграет и даже значительно проиграет, получив вместо «Хезболлы» суннитский террористический режим и на своих северных границах.

Падение алавитского режима в Сирии также не принесет Израилю существенной выгоды. Уже много лет асадовская Сирия находится в состоянии фактического мира с Израилем. Но захотят ли мира в случае прихода к власти сирийские «Братья-мусульмане»? Ответ очевиден – нет.

«Суннитизированная» Сирия будет гораздо более опасной для Израиля, чем Б. аль-Асад. Особенно, если руки мятежников попадет хотя бы часть огромного арсенала сирийской армии с ее химическим оружием и российскими средствами его доставки[18].

Не менее хитроумной стратегией США, реализуемой в целях установления наиболее приемлемого для себя статус-кво в ближне- и средневосточном регионе, является манипулирование присутствующими здесь радикальными и бессубъектными суннитскими группировками и прежде всего, принадлежащим к разным богословско-юридическим школам (мазхабам) Турции и Саудовской Аравии.

Рост внешнеполитической активности Анкары в регионе настораживает Эр-Рияд. Саудовская Аравия на настоящий момент является неоспоримым лидером Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), фактически контролирует ЛАГ, выступает с ведущих позиций в Организации Исламского сотрудничества (ОИС), претендуя на главенствующую роль в исламском мире, и не может допустить появления в регионе нового конкурента.

Турция, в свою очередь, в последние годы активизировала свой азиатский вектор внешней политики, отошла от исключительно европейской ориентации, обратила свой взор на арабский мир. С новой силой начали развиваться турецкие экономические связи в араб-

ских странах. Турецкие компании активно проникают на арабские рынки, турецкие услуги пользуются все большей популярностью среди арабской публики.

Во многом поводом для политического сближения с арабским миром можно считать резкое охлаждение турецко-израильских отношений. «Арабская весна», в свою очередь, послужила толчком для активизации внешней политики Анкары в регионе. Турецкие власти изначально оказывали мятежникам поддержку, пиком которой стали базирование СНС (станций наземного слежения) на территории страны и инициативы по поддержке сирийских оппозиционеров.

Очевидно, что Анкара обладает достаточным потенциалом, чтобы претендовать на значительную роль в разрешении сирийского кризиса, и, следовательно – на доминирование в регионе. Саудовская Аравия могла бы выступить против Турции, однако предпочла заключить с ней временный союз для взаимовыгодного разрешения сирийского кризиса и для ослабления Тегерана.

Свои амбиции, связанные с региональным лидерством, турецкое и саудовское руководство воплощают разными средствами. Турция увеличивает свое экономическое присутствие в странах региона, в последнее время прилагает усилия по улучшению имиджа страны. Что касается Саудовской Аравии, то она традиционно использует исламский фактор в своей внешней политике как инструмент влияния, а также осуществляет обильные финансовые вливания в страны региона. Главное различие двух тактик заключается в «разборчивости» саудовских королей, которые инвестируют не везде, а только в государства с «правильными» режимами, в то время как Турция строит и укрепляет экономические связи со всеми странами без разбора, и в этом Анкара, безусловно, выигрывает.

Будучи важнейшими союзниками США, и Турция, и Саудовская Аравия выступают проводниками американских интересов в регионе и крупнейшими партнерами Вашингтона в области военно-технического сотрудничества. Причем ни та, ни другая страна не стремятся как-либо диверсифицировать источники военной помощи, сократив тем самым свою зависимость от заокеанского хозяина.

Америка этим сполна пользуется. В частности, это можно наблюдать в сирийском урегулировании: американцы совсем не желают ввязываться в вооруженное столкновение, особенно в свете заявления Обамы об «уходе из региона» и с учетом того, что американская администрация в настоящий период больше озабочена предвыборной кампанией. Сами в конфликт лезть не хо-

тят, но не преминут заявить о своем присутствии громкими речами госсекретаря Клинтон и воспользоваться своим влиянием на региональных партнеров, чтобы, действуя чужими руками, отстоять свои интересы.

Вашингтон не препятствует развитию сотрудничества между Анкарой и Эр-Риядом, но и никак не способствует этому. Американцам нужен баланс, а добиться этого можно только при недопущении чрезмерного усиления той или иной стороны. Вторя американским интересам, обе страны пытаются не допустить усиления Ирана, рассматривая его как соперника в борьбе за региональное лидерство.

Если же говорить о перспективах турецко-саудовских отношений, то с большой долей вероятности можно утверждать, что в ближайшее время, по мере того, как Анкара будет наращивать свое присутствие в регионе, продолжится соперничество между Турцией и Саудовской Аравией за доминирование. Это будет выражаться в контролируемом Вашингтоном «softpower» соревновании [21].

В условиях, когда ситуация начнет выходить из-под контроля, либо США посчитают своевременным и целесообразным, ими будет запущен механизм расчленения обоих государств, по границам, обозначенным в известных картах подполковника Ральфа Петерса [22]. Ведь для того, чтобы призыв «арабской весны» постучался в двери и Саудовской Аравии и Турции, заокеанским партнерам необходимо лишь объявить о начале демократизации этих политических режимов [23–25], которые с точки зрения социально-политических проблем мало чем отличаются от Египта, Туниса или Сирии.

Однако, как уже отмечалось, задача «демократизации» ближне- и средневосточных государств является исключительно декларативной. Истинной целью является управляемый конфликт, поддерживать который в условиях «Большой войны» успешно помогают исламские радикалы, терроризирующие не только традиционно мусульманские страны, но и другие государства, выходящие за рамки исламского мира.

В этой связи неравная конкуренция в традиционном арабском обществе идеологий исламизма с различными версиями арабского национализма, либо принципами светского государства, является еще одним важнейшим ресурсом США на пути к развязыванию «большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке. В результате чего «ваххабитский нож» будет приставлен не только к горлу христиан Сирии, Ливана и Палестины, но и – это главное – всех стран Евразии, в том числе, и России [26].

Факелом, который разожжет огонь «большой вой-

ны» на Ближнем и Среднем Востоке должен стать внезапный удар США по Ирану. Для этого уже сегодня Пентагон стянул в Персидский залив крупные силы. В заливе и соседнем Аравийском море находятся две ударные группы, включающие два атомных авианосца, на каждом из которых базируется по 48 истребителей-бомбардировщиков. Также в каждую группу входят по два ракетных крейсера, пять эсминцев и две ударные атомные подводные лодки. Каждая корабельная группа располагает не менее 100 крылатыми ракетами с дальностью действия 1,6 тысячи километров.

В этом же регионе находится экспедиционная ударная группа в составе трех больших десантных кораблей, в том числе авианесущего, и ударной атомной подводной лодки. Недавно в регион был также направлен эсминец противоракетной обороны, способный сбивать баллистические ракеты.

Силы США в Персидском заливе включают плавучий док *Ronse*, который станет базой минных тральщиков, но способен также нести вертолеты, служить плавучим госпиталем и десантным кораблем. Кроме того, с весны 2012 г. на ближневосточные базы американских ВВС переброшено значительное число самолетов-невидимок F-22 и более старых F-15, пишет *NEW SruIsrael* на основе статьи в *The New York Times*[27].

Рассматривая проблему с военной точки зрения нельзя не отметить, что никто уже не может питать иллюзий по поводу того, что классическая армия «образца Второй мировой войны», к коим относятся армии Ирана и Сирии, может успешно противостоять современным войскам НАТО.

Но означает ли это, что современная западная «армия быстрого реагирования» в принципе непобедима, что не существует асимметричной стратегии, позволяющей нанести американцам поражение и заставить их заключить мир на условиях, приемлемых для жертвы агрессии?

Мы полагаем, что это не совсем так, если, конечно, обороняющаяся сторона сможет организовать ответные действия в режиме, ориентированном на подавление «циклов Бойда» (OODA) [28, 29, 30.] Каким же может быть эффективный ответ Ирана и Сирии на внешнюю агрессию?

В принципе поиск «побеждающих поведенческих стратегий» ИРИ может проводить в рамках трех базовых стратегических парадигм:

1. Классической стратегии «нормального боя», которая скорее всего в рассматриваемой ситуации является априорно проигрышной для Ирана и Сирии ввиду их несопоставимости с военной мощью США, усиленной потенциалом НАТО и Израиля.

2. Стратегии «упорядоченного риска», связанной с построением и анализом «древовидных» (вариантных) структур ответных действий (построение «стратегического дерева») [31–33], ориентированных на подавление «циклов Бойда» с оценкой эффективности вариантов и «отсечением» неэффективных «ветвей» [28–30, 34]

При этом подходе «нормальный бой» теряет свой «фиксированный» (детерминированный) результат; вместо этого мы получаем статистическое распределение возможных вариантов, определяющееся произведением вероятности данного боя на модификатор, описывающий вероятность данного исхода [31–33]. Лишь в рамках «стратегии упорядоченного риска», для «слабой стороны» военного конфликта можно реализовать стремление «убежать от определенности», полноценно реализовать «фактор ассабийи» и поискать свои шансы на «краю вероятностного распределения» исходов боя [31–33]. В этом плане можно полагать, что «вероятностная война» поддерживает состояние неопределенности [31–33].

3. Стратегии «эмерджентного риска»[34], обуславливающей «казус неожиданного исхода», в числе прочих нацеленного на реализацию условий «обратных» тем, что сформулированы в известной «аксиоме Б. Лиддел Гарта»[34]. А именно, в процессе оборонительных действий надо сделать так, чтобы для Америки (и, в частности, для субъектов стратегического действия из «партии войны») послевоенный «победный» мир был худшим, чем довоенный [34, 35].

При этом стратегия «нормального боя» связана с использованием, как правило, «конвенциональных» сил и средств, и способов их применения. Стратегия «упорядоченного риска» предполагает наряду с «конвенциональными» использовать и «неконвенциональные» силы и средства[34]. Стратегия же «эмерджентного риска» почти целиком строится на «неконвенциональной» войне [31–33, 34].

В соответствии с опубликованной информацией, со ссылками на кувейтские источники, Иран и Сирия подготовили план совместной борьбы против иностранного вторжения. В числе первых из возможных объектов воздействия называется Турция. Эскалация регионального конфликта к настоящему времени привела к тому, что Иран в отношении Турции уже вышел за рамки утечек информации в СМИ и официально озвучивает свои возможные ответные действия в случае прямой агрессии в Сирии. В частности, командующий воздушно-космическими силами Ирана открыто заявил о нанесении ракетных ударов по американским объектам в Турции в ответ на агрессию против Сирии и Ирана. Как было

объявлено, в случае возможной атаки на Иран иранские силы в первую очередь нацелятся на элементы системы ПРО НАТО в Турции.

Как было опубликовано в издании ElSiyasah, план обороны Ирана предусматривает следующие «шесть фронтов» действий:

1. Нападение на Турцию со стороны Ирана, Сирии и Ирака, и активизация боевых действия курдов в восточной части Турции.

2. Нападение на Суэцкий канал со стороны сил ХАМАСа и Ирана. Подключение к боевым действиям «джихадистов» Йемена и Сомали.

3. Атака Ираном западных судов в Персидском заливе, в том числе и нефтяных танкеров. Нападения на американские базы со стороны ливанской «Хезболлы» и проиранских группировок в Бахрейне, Катаре и ОАЭ.

4. Разворачивание крупномасштабной кампании против сил НАТО в Афганистане с помощью иранских разведслужб, включающей снабжение различных групп боевиков оружием и деньгами.

5. В восточном Средиземноморье «Хезболла» возьмет под свой контроль все ливанские государственные учреждения, а также нападет на цели, принадлежащие странам НАТО.

6. В секторе Газы ХАМАС будет обстреливать Израиль, а после израильского ответного удара против него начнет действовать сирийская армия.

Кроме этого, в случае, если западные страны применят против Ирана санкции, Тегеран готов перекрыть стратегически важный Ормузский пролив, соединяющий Персидский залив с Индийским океаном, через который осуществляется до 40% мировых поставок нефти.

Не надо быть военным аналитиком, чтобы увидеть несопоставимость военной мощи США и их союзников в результате реализации упомянутого выше плана и подобных проектов в рамках ведения лишь «конвенциональной» войны Иран (вкуче с Сирией) войну скорее всего проиграет. Поэтому для Ирана единственной «побеждающей стратегией» может быть отказ от конвенциональных способов ведения войны в пользу неконвенциональных, т.е. связанных с ведением диверсионно-террористической деятельности на территории противника. «Раз кто-то в мире хочет сделать небезопасным наш регион, то мы сделаем небезопасным весь мир», – заявил член иранского парламентского комитета по национальной обороне П. Сарвари.

В свете вышесказанного необходимо отметить, что в «большой войне» победит не тот, кто красиво маневрирует войсками, а тот, кто продемонстрирует свою готовность

воевать и наносить ущерб противнику до конца.

Здесь представляется возможным обратить внимание на один немаловажный политико-психологический аспект. Политики и военные секулярных западных демократий, которые изнежены комфортом и «правами человека», видимо, не до конца отдают себе отчет в том, что в Иране сложилась уникальная тысячелетняя традиция мученичества, определяющая менталитет одной из самых древних наций на земле. В шиитском исламе мученикшахид – это прежде всего воин, который «на пути Господнем» идет сражаться против превосходящей его во много раз вражеской силы. По преданию самый почитаемый шиитский мученик – имам Хусейн, вышел против четырехтысячного войска халифа Язида I с отрядом всего лишь в 70 человек, демонстрируя не только беспредельное мужество, но и крайнюю степень самоотверженности.

Не приходится сомневаться в том, что традиция мученичества в той или иной степени будет активирована в случае возможной войны против Ирана. Тем самым Запад получит дополнительную, «асимметричную» угрозу со стороны тысяч и, возможно, десятков тысяч иранских воинов-мучеников – мужчин и женщин, которые в борьбе с «неверными» будут готовы жертвовать своими жизнями. Каков будет характер, стратегия, тактика и масштаб такой борьбы – это уже другой вопрос, но здесь важно понимать главное – Иран располагает значительным количеством пассионарных людей, готовых за веру и за свою страну идти до конца. Однако «неконвенциональная» война Ирана с США и его союзниками может, как это ни парадоксально звучит, начаться без участия самого Ирана, хотя и от его имени.

Так, известный эксперт по Ближнему Востоку А.Сальбучи, рассуждая о «политическом и экономическом тупике», в котором оказались США, высказывает опасения и подозрения о том, что существует реальная опасность совершения «теракта-фальшивки». По его мнению, «закулисные террористы» учинят оглушительно-ослепительный теракт с применением ОМП и множеством жертв. Причем подставные «злодеи-исполнители» будут оперативно выявлены и окажутся скорее всего «мусульманскими фанатиками» иранского происхождения, которые или погибнут при исполнении теракта, или, что менее вероятно, будут живы, разговорчивы и охотно дадут нужные признательные показания [36].

Данный прогноз не является невероятным. Оправдывается он или нет, не так уж и важно. Важно то, что для «Большой войны» нужен большой повод. Можно предположить, что американцам достаточно было бы организовать крупный военный «удар-фальшивку» в рай-

оне Персидского залива. Для этого, кстати, туда недавно подтянули и достойную цель: старый (1960 г. принятия на вооружение) авианосец «Энтерпрайз». Его повреждение или тем более гибель от удара, например, неведомой «иранской» подлодки, были бы небольшой потерей для флота США, но достаточным поводом для начала «ответных ударов» по Ирану. Но это была бы фальшивка традиционного, грубого типа, с политическим эффектом не глобального, а регионального характера.

Учитывая изложенное можно оценить масштаб и «красоту» игры, которую принято называть игрой с нулевой суммой, так как она сулит выигрыш лишь одному субъекту. Остальные участники при этом являются заложниками тщательно продуманного сценария, где им отведена роль «солдатов удачи», участь которых во многом predetermined жесткой логикой дикого капитализма, социального дарвинизма и «звериным оскалом американского империализма».

В этой связи необходимо реалистично оценить роль и место, которые навязывает России в грядущей «Большой войне» политико-прагматический суперсубъект в лице США, а также выявить возможность восстановления онтологической субъектности России, а через это – возможность самим определять свою судьбу и будущее.

3. «Большая война» – глобальный вызов России?

Нет сомнений в том, что американцы длительное время обстоятельно и прагматично готовят пространство «Большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке. В связи с этим можно с большой долей уверенности полагать, что «Большая война» грядет. Важнейшим вопросом остается степень вовлеченности и форма участия в ней России. Само же участие не вызывает сомнений и уже становится очевидным, что нас «ведут» к «Большой войне» последовательно и целеустремленно. Именно поэтому сегодня все решения руководства страны в политической, экономической, социальной и военно-технической сферах необходимо рассматривать «сквозь концептуальную лупу», которая может обеспечить опережающее распознавание реалий грядущей «Большой войны» и возможность проектирования достойного места России в послевоенном мироустройстве.

В экспертно-аналитическом сообществе активно обсуждается совокупность «вложенных» целей, которые по замыслу «планировщика» «большой войны» могут быть реализованы только в результате ее развязывания.

Первая группа включает ряд довольно очевидных, «лежащих на поверхности» целей:

- отвлечь внимание населения Запада от негативных процессов глобального кризиса, переключить его на сконструированный политтехнологами образ «глобального» врага;
- списать по максимуму огромные государственные долги;
- избежать «скатывания» США в 1932г., оживить экономику, создать условия для развития «с чистого листа»;
- сохранить финансовую систему, опирающуюся на «Вашингтонский консенсус» и продлить существование ФРС как мирового эмитента после 2012 г.;
- обеспечить для Америки доминирующее положение в Мир-системе.

Во вторую группу входит «табуированная» и в связи с этим публично не обсуждаемая цель – обеспечение стратегической перспективы для Израиля. Еврейское государство в нынешнем виде может устойчиво существовать только в условиях перманентной конфронтации с исламским миром. Оно имеет «победоносное» преимущество в военно-технической сфере, отличается высоким уровнем корпоративной субъектности и, как следствие, более высоким качеством «человеческого материала»[37]. Израиль пока в состоянии разгромить практически любую арабскую коалицию. Монопольное обладание ядерным оружием в регионе дает ему определенную гарантию от случайностей войны и выступает эффективным средством сдерживания от крупномасштабного применения военной силы со стороны возможной коалиции государств региона.

Сегодня Израиль, как никогда, заинтересован в развязывании «большой войны» с тем, чтобы:

- 1) подтвердить и надолго закрепить в результате победоносной войны свой максимально высокий статус как в региональном, так и в глобальном политическом контексте;
- 2) исключить, вызванное мировым экономическим кризисом снижение или полное прекращение финансовой поддержки со стороны Запада и, в первую очередь, США, на которые приходится 22% внешней торговли Израиля и еще \$3,71 млрд. прямой безвозмездной финансовой помощи;
- 3) денуклеизировать Иран и тем самым сохранить монополию на обладание ядерным оружием в регионе.

Третьей по вложенности и наиболее скрываемой целью является запуск механизмов «реинкарнации» колониальной системы в формате XXI в.

В этой связи целесообразно вспомнить о том, что западный мир интенсивно развивался в рамках колониальной системы на протяжении более пяти веков. И толь-

ко во второй половине XX в. после окончания мировой войны в результате формирования мощного центра силы в лице СССР были созданы условия, которые обеспечили ее распад. Таким образом, современное постколониальное состояние Мир-системы длится немногим более полувека. Логика развития западной экономики предопределяет конец этому периоду материального процветания. Эксперты РАН с использованием методов математического моделирования глобальной экономики сделали вывод о том, что Запад в условиях рыночного хозяйства может стабильно существовать только при постоянном получении дополнительных ресурсов извне [3, 5]. Таким образом, для преуспевания такой системы необходимо наличие управляемой, политически бессубъектной колониальной периферии, из которой можно черпать дешевые ресурсы [3, 5].

События последнего времени, начиная с разгрома Югославии, захвата Ирака и Афганистана, принятия новой стратегической концепции НАТО, заканчивая агрессией против Ливии и расширения процесса «Арабской весны», со всей очевидностью показывают, что периферии Мир-системы предстоит новая колонизация. Это уже ставится геополитической неизбежностью, поскольку в мире нет стратегических субъектов, способных этому воспрепятствовать.

В процессе «новой колонизации» произойдет перекодификация международного права при окончательном отказе от принципов Ялтинско-Потсдамской системы политического мироустройства. Мир ждет слом основоположений ООН, ликвидация или существенное снижение роли института постоянных членов СБ, коррекция принципа суверенного равенства государств, который в условиях новой колониальной Мир-системы будет противоречить ее базовым принципам. В рамках перекодификации произойдет принудительное приспособление международного права к потребительским интересам Запада [45]. В обозримом будущем можно ожидать, что «законная» оккупация или колонизация в пределах «признанных» зон влияния будут занимать место декларируемых принципов самоопределения и «невмешательства» во внутренние дела других стран. В международную практику усилиями Запада вновь будет введена система международно-государственного устройства, при которой реальный суверенитет будет сохраняться лишь за государствами составляющими «ядро» Мир-системы. «Государствам» же периферии будет позволено иметь суверенитет лишь в объеме, не препятствующем деятельности транснациональных корпораций на определенных условиях [45].

В соответствии с идеями З. Бжезинского, в основе нового Мира должны лежать «Большой Запад» – США и Ев-

росоюз, и «Большой Восток» – Япония, Индия, Турция, Саудовская Аравия. В грядущем колониальном мире России как субъекту мировой политики места не предусмотрено. При этом от нас уже давно требуют – мол «делиться надо». Складывается впечатление, что откровенно захватнические идеи М.Олбрайт и Д.Чейни находят отклик у российских либералов типа академика Ю. Пивоварова, публично обсуждающего возможность «совместного» управления с «мировыми державами» ресурсами Сибири.

Этот сценарий сейчас не кажется фантастическим, если учесть тот факт, что Российская империя, правопреемницей которой является Российская Федерация, в 1884 г. подписала международную конвенцию, содержащую «принцип эффективной оккупации». Из него следует, что если какая-либо страна не способна «эффективно» управлять своими ресурсами, то в отношении нее может быть введено внешнее управление. В конце XIX в. этот принцип легитимизировал колониальную систему, но в XXI он может стать действующей нормой международного права и будет формальным основанием «правомерности» лишения России её суверенных прав на управление собственными территориями и ресурсами.

За последние два десятилетия значительно расширен, модернизирован и апробирован в многочисленных военных акциях реальный инструмент новой колонизации – блок НАТО. Тех же, кто считает данное утверждение алармистским и антизападным мы отсылаем к новой стратегической концепции НАТО, принятой в 2010 г. в Лиссабоне. Если просто прочитать ее, то можно увидеть, что в современных условиях НАТО является геополитическим инструментом обеспечения функционирования системы «центр – колониальная периферия», в которой только и может благополучно существовать западный мир. В этом и состоят военно-политические и полицейские функции альянса. Фактически НАТО есть совокупная военно-политическая мощь государств западного мира, составляющих центр Мир-системы, предназначенная для новых «крестовых походов», которые, как известно, в первую очередь были экономическими предприятиями. Поэтому военная система НАТО в соответствии с планами своих хозяев будет регулярно направляться в различные регионы мира – для обеспечения бесперебойной поставки сырья, энергоносителей и решения карательных задач.

Вместе с тем одной из немногих позитивных тенденций в современной периферии Мир-системы является поиск возможностей «объединение слабых вокруг сильного против сильных». И здесь для Запада принципиально важно не допустить бесконтрольного усиления какой-либо крупной сырьевой державы, обладающей геополити-

ческим статусом. Так, Запад совершенно «не замечает» такие ядерные государства как постоянно дестабилизирующий обстановку на Ближнем Востоке Израиль и непредсказуемый Пакистан, который не может или не хочет осуществлять контроль за деятельностью на своей территории военно-террористической организации «Талибан». Но нефтегазовый Иран – член ДНЯО с его амбициями на региональное лидерство является для Запада первоочередным объектом принудительной «демократизации». В этой связи так называемая «ядерная программа» Ирана для США и их союзников всего лишь «casus belli». Даже если Иран полностью откажется от ядерных технологий, это не оставит Запад от планов развязывания «большой войны».

При этом утверждение о том, что для Запада существует большая опасность обретения «восставшей Азией» в лице Ирана своего лидера является явным преувеличением. Сама по себе политеистическая Азия как в ментальном, так и в политико-экономическом и культурно-идеологическом плане совершенно бессубъектна [40] и, как следствие, в принципе неспособна к консолидации. Очевидно, что сегодняшний шиитский Иран не обладает привлекательным цивилизационным проектом, который мог бы создать условия для консолидации хотя бы геополитически близких стран даже в рамках исламского мира. Вместе с тем растет понимание того, что Иран, как объект западных интересов, выступает своеобразным «предпольем» России, удар по которому нанесет существенный урон ее внешне- и внутринациональным интересам.

В этой связи уместно вспомнить известное заявление З. Бжезинского о том, что в XXI в. Америка будет развиваться против России, за счет России и на обломках России. Очевидно, что одной из целей «большой войны» является блокирование усилий России по созданию Евразийского союза – потенциально мощного мирового «игрока» и в перспективе стратегического субъекта геополитики, который мог бы сформулировать альтернативный проект не только собственного, но и глобального развития.

Говоря об альтернативных проектах или сценариях глобального развития, необходимо помнить о том, что в их основе лежит тот или иной духовный императив. Имея тенденцию к экспансии, тот или иной сценарий глобализации затрагивает ментально-догматический фундамент, ценности и традиции носителей иного цивилизационного кода. Это в свою очередь может порождать религиозные и этнические конфликты, которые приводят к изменению политического ландшафта западного и восточного мира. Возникающая в результате таких процессов культурная обособленность неизбежно вызывает политико-психологические и национально-культурные

противоречия, глубинными причинами которых являются религиозно-догматические различия [31].

Так, в докладе Национального совета США 2008 г. по разведке «Глобальные тенденции – 2025: изменяющийся мир» говорится о том, что XXI в. станет эпохой религиозных войн и возрастания в политике роли религиозного фундаментализма [37].

Сегодня наиболее актуализированными сценариями глобального мироустройства, которые имеют в своей основе кардинально противоположные духовно-догматические установки, являются всего два проекта. Во-первых, это глобализм, как вестернизация, и, во-вторых – исламский фундаментализм. Оба проекта не только используются в ходе масштабных акций по развязыванию «Большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке, но и в одинаковой степени серьезно угрожают безопасности Российского государства и общества.

Так, глобализм предполагает вступление мира в качественно новую эпоху, связанную с постиндустриальным обществом и постмодерном. Матрицей этой модели является политическая структура США, их федерализм и либеральная демократия, духовные основы которой базируются на специфической форме протестантизма – *унитаризме*, который близок по своему догматическому содержанию к иудаизму.

В этой связи американский политолог и пресвитерианский священник Джеймс Курт пишет, что американская внешняя политика обусловлена протестантизмом, но не изначальной религией, а скорее «странной ересью». Он выделяет шесть стадий «протестантского отклонения», которые, в конце концов, привели к появлению современной американской внешней политики [38]. Это – спасение через благодать; подтверждение благодати трудовыми успехами; спасение через труд; переход от почитания Троицы к унитаризму; принятие «американского символа веры», в котором упоминание о Боге исчезает, остается только либерализм, ценности свободного рынка, демократии и прав человека; и, наконец, утверждение идеи всемирного распространения либерализма – американский символ веры становится мировой религией. Соотечественник Д. Курта социолог У. Херберт определяет «американскую религию» как «секуляризованное пуританство, пуританство без трансценденции, без ощущения греха или осуждения» [39].

По мнению европейских исследователей А. Негри и М. Хардта, американский «революционный проект» означает постепенную утрату этнической, социальной, культурной, расовой, религиозной идентичности и требует еще более ускоренного превращения «народов» и «наций» в количественное космополитическое большинство.

Но даже если отвлечься от такой «революционной» позиции сама американская глобальная стратегия, называемая авторами «Империей», основана на том, что не признает никакого политического суверенитета ни за какой коллективной сущностью – будь то этнос, класс, народ или нация [42].

Суть исламизма, как специфического сценария глобализации, можно понять, обратившись к исламскому взгляду на мир. Еще первые исламские юристы делили мир на «*дар уль ислам*» (местонахождение ислама), «*дар уль харб*» (местонахождение войны) и «*дар уль курф* (*сульх*)» (местонахождение мирного сосуществования, мир неверия) [39].

В пределах *dar-al-Islam* возобладали дружба и сотрудничество на основе исламских принципов. *Dar-al-harb* включает арену прямых военных конфликтов, а также тех, кто враждебно относится к исламу. Странами *dar-al-sulh* являются те немусульманские страны, которые достигают большой автономии и мира за счет больших выплат и налогов в мусульманскую казну. Исламский проект, отвергая существующий миропорядок, возникающий в результате западной колонизации, отрицает секулярное национальное государство и ориентирует на возврат к идее халифата – «исламского идеального государства».

В рамках концепции исламского миропорядка, которая была опубликована в Декларации международного семинара 3-6 августа 1983 г. в Лондоне, подчеркивается, что одной из политических целей уммы является объединение всех исламских движений в единое глобальное движение «с тем, чтобы создать исламское государство» [42]. Современный автор аль-Афгани разработал принципы панисламизма: «во-первых, отказ от привнесенных концепций в силу их отчужденности от исламского общества и непригодности для него; во-вторых, подтверждение основного принципа панисламизма – ислам верен для любого места и времени» [42].

Для представителей современного исламизма характерно фундаменталистское видение мира как полностью погибшего и не предназначенного к спасению. Исламисты считают, что человечество живет под властью Даджаля–Антихриста. Все, что может сделать авангард «избранных», – вести партизанскую войну и наносить точечные удары по миру джахийлии. Конечно, исламистский идеал остается прежним: создание всемирной уммы, но процесс борьбы для исламистов новой волны становится важнее результата. «У этих радикалов очень слабая программа, сводящаяся к введению шариата и игнорирующая важные социальные и экономические требования старых движений», – пишет о «новых исламистах» О. Руа [42].

Идейной основой нового исламизма в его радикальном варианте является фундаментализм, который в политическом исламе сегодня представлен многочисленными международными террористическими организациями. Для России проблема исламизма особенно остро проявляется в южных территориях страны и в первую очередь на Северном Кавказе и Поволжье, где ислам традиционно оказывает воздействие на общественно-политическую жизнь.

Хотя неоваххабизм Северного Кавказа – явление новое, догматические установки радикального ислама были заложены еще в ходе Кавказской войны (1817 – 1864 гг.). Суть их проявляется в традиции применения такфира– обвинений в неверии и ведении непримиримого джихада за создание политически независимого исламского государства. Все это и сегодня практикуются в неизменном виде экстремистскими группировками. Однако в отличие от этнополитической динамики XIX века сегодняшнее нарастающее противостояние некоторой части российских мусульман проходит на фоне опасного военно-политического и идеологического возбуждения ислама на Ближнем и Среднем Востоке в контексте активного вмешательства извне.

С одной стороны, наличие внешнего фактора объясняется включением Северного Кавказа в глобальный исламский идеологический проект, исполнителями которого являются многочисленные террористические организации. Этот проект представляет собой один из вариантов ответа на вызов западных секулярных политических, экономических, моральных и иных представлений. По сути, это утверждение альтернативного мирового мегапроекта, к реализации которого активно пытаются подключить российских мусульман. Поэтому политический ислам – это, прежде всего, антизападный и антилиберальный вариант реформизма. При этом современную Россию последователи политического ислама рассматривают наравне с США, Англией, Францией и др. как «*даль уль харб*» т.е. как мир курфа или мир неверия, с которым необходимо вести беспощадную борьбу за свое освобождение. Попадание под власть немусульман толкуется как историческое наказание за отклонение от прямого исламского пути [43].

С другой стороны, наличие внешнего фактора объясняется экспансионистскими претензиями ряда политических субъектов Запада. С точки зрения геополитики Кавказ представляет собой крайне важный стратегический узел, так как является связующим звеном между Европой и Центральной Азией, обеспечивая выход к системе трёх морей. Тот, кто обладает влиянием в этом регионе, в той или иной мере контролирует значительную часть на-

шей планеты. Поэтому в мире всегда находились и до сих пор имеются силы, заинтересованные в упрочении здесь своих позиций. Так, ещё более полутора столетия назад ряд европейских политиков считали, что Кавказ является для России «ахиллесовой пятой». Утверждалось, что именно туда следует наносить прицельный удар, чтобы свалить «русского медведя». Сегодня Северный Кавказ вновь стал важнейшим перекрёстком мировой истории, на котором осуществляется целый ряд мегапроектов по конструированию «больших пространств» на Кавказе. Среди них особо выделяются три, представляющие наибольшую угрозу геополитическим интересам России в регионе. Это – американский глобализм, турецкий Великий Туран и араб-исламский проект Саудовской Аравии.

Существенный аспект этих американско-туркско-исламских угроз для России кроется, во-первых, в стремлении вытеснить Россию из Закавказья. Во-вторых, создать в Северо-Кавказском регионе антироссийское конфедеративное образование «от моря до моря». В-третьих, использовать его как фактор отторжения Кавказа и Причерноморья и кардинального изменения этноконфессионального баланса в регионе [45]. Для достижения поставленных целей главной мишенью становится полиэтничное и полирелигиозное сообщество Северного Кавказа. В качестве главного инструмента используется многократно испытанный в ходе «Арабской весны» «исламский фактор», реализуемый в форме агрессивной исламистской террористически-подрывной деятельности.

Несмотря на видимую самостоятельность исламского проекта глобализации, он является всего лишь одной из линий реализации стратегий, вписанных в контекст сценария глобализации по-американски. Несмотря на это, каждый из проектов и глобализм, и исламизм, требует от России субъектно-рефлексивного и, как следствие, избирательного ответа.

Вся история взаимодействия с Западом и прежде всего с США показывает, что реально строить с ними взаимоотношения, основываясь на таком понятии, как «партнёры» – преступная недалёковидность. Как говаривал К. Доил устами Ш. Холмса: «Поскольку Вы, Ватсон, будете иметь дело не с преступным миром, а с британскими политиками, то не верьте ни одному их слову».

История «больших войн» учит, что максимальное преимущество в грядущей «большой войне» может получить та сторона, которая вступит в нее на завершающей стадии. С высокой вероятностью она же и будет в числе победителей. В свете сказанного нельзя не согласиться с мнением Б. Борисова о том, что создание геополитической конфигурации по типу Евразийского союза по-

зволит оттянуть непосредственное вступление России в войну. Это возможно обеспечить за счёт кратного роста коалиционного могущества и создания буферных пограничных зон, так как боевые действия в них по опыту прошлых войн могут и не перекидываться на территорию метрополии, и это является ключевой внешнеполитической задачей [45].

Непосредственно в предвоенный (угрожаемый) период любые изменения сферы влияния держав будут рассматриваться как непосредственная и прямая угроза остальным игрокам и могут заканчиваться опасным военно-политическим противостоянием или военным конфликтом. По существу, для России выбор заключается только в том, формировать ли русский военно-политический блок сейчас, имея относительную большую свободу манёвра, или позже, уже в цейтноте, под действием обстоятельств непреодолимой силы, или прямо в военных условиях под бомбами, «не считаясь с жертвами». Но возможности для такого относительно благоприятного, в духе последней грузинской кампании реформативного нашего пограничья уменьшаются с каждым днём.

Оценивая недопустимость для России в преддверии «большой войны» сокращений в сфере тактического ядерного оружия (ТЯО), необходимо отметить следующее. Для такой «слабой» стороны международного конфликта, как Россия, ТЯО является реальным инструментом его дестабилизации на военной стадии. Сокращения в сфере ТЯО могут привести Россию к «военно-политическому цугцвангу», когда в ответ на военное давление «сильной» стороны конфликта мы становимся перед выбором: либо принятие навязываемых условий, вследствие очевидной слабости сил общего назначения, либо угроза мировой ядерной катастрофы вследствие применения СЯС.

В складывающихся для России условиях целесообразно не снижение, а усиление потенциала стратегического и регионального сдерживания. Не демобилизация, проводимая российской стороной «под флагом» реформирования Вооружённых сил, а мобилизация сил, составляющих оборонный потенциал страны может обеспечить не вовлечение России в будущую «Большую войну». В противном случае России опять, как и в XIII веке, суждено стать «демпфером-поглостителем», в котором рассеется энергия натиска «восставшей Азии» на Европу.

В контексте проблемы обеспечения стратегического и регионального сдерживания важно помнить высказывание Н. Макиавелли «...то оружие священо, на которое единственная надежда». Для России в ее современном состоянии и в обозримом будущем такой «единственной надеждой» является ядерное оружие. Из-за существенно-

го дисбаланса с потенциальными противниками в силах общего назначения часть функций обычного оружия придется переложить именно на ядерное оружие.

Сегодня, в силу деградации российского потенциала обычных вооружений, их «автономная» эффективность сдерживания существенно снизилась. Гораздо менее, но все же снизилась и эффективность группировки российского ядерного оружия. В итоге «область риска несдерживания» сегодня значительно расширилась. Образовался «провал эффективности» в сфере ведения региональных войн. И, что самое тревожное – при современных тенденциях развития военных потенциалов ведущих стран мира эта область риска будет лишь увеличиваться.

Именно поэтому для устранения нынешнего дисбаланса обычных вооружений у России фактически остается один реальный шаг – сдвинуть «ядерный порог», распространить стратегию ядерного сдерживания на более ранние этапы военной фазы конфликта и, таким образом, уменьшить область риска.

Таким образом, ядерное сдерживание осталось единственной действенной стратегией, способной практически «в одиночку» реально обеспечивать одну из главных защитных функций нашего государства. Эта своего рода «конкурентноспособность» ядерного оружия сегодня признана всеми нашими политическими оппонентами. При этом унижительные на первый взгляд ярлыки типа «одномерной державы» и «Верхней Вольты с ракетами» лишь подчеркивают такое признание.

Однако особая роль стратегии ядерного сдерживания требует и особой заботы о ее состоянии и перспективах, и в частности объективной оценки влияния на ее эффективность различных факторов и процессов, протекающих в мире. В первую очередь, это относится к процессам «прямого влияния», т.е. к тому, что явно и непосредственно затрагивает главные элементы, определяющие механизм и структуру ядерного сдерживания.

Кроме выполнения своей главной государственно-охранительной функции, российское ядерное оружие выполняет и «международную», а именно – является

инструментом сохранения глобальной стабильности, гарантирует бесперспективность попыток военного изменения существующих тенденций мировой геополитической динамики.

В связи с этим Россия обязана сохранить свой ядерный потенциал, причем на уровне, который будет гарантированно, при любых условиях ядерного конфликта с Америкой обеспечивать ей «неприемлемый ущерб» и, как следствие, потерю геополитического лидерства. Необходимо сохранить любой ценой наш постепенно слабеющий, но еще пока «геополитически эффективный» ядерный кулак. По крайней мере, до тех пор, пока у нас не появится соответствующий альтернативный, неядерный инструмент, гарантирующий бесперспективность для США нового военного передела мира за счет России.

Для того чтобы в условиях надвигающейся «большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке «наблюдать за пожаром с противоположенного берега» нам надо помнить уроки истории и иметь соответствующий военный потенциал, включая все виды современного и перспективного вооружения. Если же говорить языком китайских стратегов, нам важно не дать Западу «пожертвовать сливой» – Россией, втянув ее в «Большую войну», для того, чтобы спасти «персиковое дерево» – Запад.

Очевидно, что стратегия ядерного сдерживания и ядерное оружие как ее основа еще долго будут оставаться единственным многофункциональным инструментом, обеспечивающим не только военную безопасность нашей страны, но и ее геополитический статус. Ядерный потенциал России также должен обеспечить стабильность естественной геополитической конфигурации мира, изменение которой в результате развязывания «большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке может привести к катастрофическим последствиям. Сохранение и упрочение ядерного потенциала страны способно не только отсрочить начало горячей фазы «большой войны», но и сделать ее результат невыгодным для так называемых «друзей Сирии», уже сегодня готовых стать такими же «друзьями» России.

Литература

1. Modelski, George. 1978. "The long cycle of global politics and the nation-state." *Comparative studies in society and history* 20, 2:214-35.
2. Гринин ЛЕ., Коротаев АВ. «Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена». М.:ЛКИ/URSS, 2009.
3. Садовничий ВА, Акаев АА, Коротаев АВ, Малков С.Ю. «Моделирование и прогнозирование мировой динамики». М.:МСПИ РАН, 2012.
4. Сулакшин С.С. «Мировые финансово-экономические кризисы и глобальное латентное управление миром». Материалы научного семинара. Вып.№3. М.: Научный эксперт, 2011.
5. «Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития» /отв.ред. Акаев АА, Коротаев АВ, Малинецкий Г.Г., Малков С.Ю. М.:Книжный дом «Либроком», 2012.
6. Винокуров Г., Ковалев В.И., Малков С.Ю. «Большая война» на Ближнем и Среднем Востоке». М.: Вестник Академии Военных наук,

№1, 2012.

7. Федотова В.Г., Кросс Ш. *Российский социум на переломе. Православие, Вебер и новый русский капитализм // Общественные науки и современность. 2006. № 2.*
8. Ракитянский Н.М. *Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. 2012. № 5.*
9. Можаровский В.В. *Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб.: ОВИ-30, 2002.*
10. Панарин А.С. *Ревани истории. – М., 2005. – С. 11-12.*
11. Москва – Константинополь. *Кто объединит Православный мир и Евразийское пространство? // Aurora Expertum. Москва – Париж. 2012. № 1. – С. 38-39.*
12. Панарин А.С. *Искушение глобализмом. – М., 2000. – С. 179.*
13. *США приняли решение о начале «горячей фазы»? URL: earth-chronicles.ru/news/2012-06-15-24840.*
14. *Империя против Ирана и Сирии. URL: geopolitica.ru/Articles/1430/.*
15. *«Арабскую весну» готовили не США или НАТО. URL: www.rosbalt.ru/main/2012/07/06/1007667.html. 06 июля 2012.*
16. *Троицкий М. Внешнеполитические горизонты Митта Ромни. URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4#582.*
17. *Сергеев В. «Сирийская весна» и пределы прочности режима Башара Асада. URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4#266.*
18. *К чему может привести ослабление шиитов в Сирии и Ливане? URL: friendfeed.com/newsland/24d417ef.*
19. *Супонина Е. Куда качнется сирийская чаши весов? URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4#552.*
20. *Ракитянский Н.М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Моск. ун-та. 2012. № 4.*
21. *Аватков В., Тюкаева Т. Турция – Саудовская Аравия: конфликтный союз вокруг Сирии. URL: regnum.pf/news/polit/1516993.html*
22. *Переформатирование политического пространства Ближнего Востока в неокOLONIALном контексте. URL: geopolitica.ru/Articles/1429/.*
23. *Паника в Саудовском королевстве. URL: topwar.ru/16148-panika-v-saudovskom-korolevstve.html.*
24. *Эр-Рияд в зоне риска. URL: newsland.ru/news/detail/id/992235/.*
25. *Турция рвется в шерифы Ближнего Востока. URL: www.utro.ru/articles/2011/09/13/998111.shtml.*
26. *Нож к горлу Евразии. URL: www.segodnia.ru/content/110383.*
27. *СМИ: военные США готовятся к новой операции на Востоке. URL: www.newsland.ru/news/detail/id/989510/.*
28. *Ивлев А.А. Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации. М.: 2008.*
29. *Денисов А.А., Денисова Е.В. Подавление циклов Бойда: Опыт управления военными и политическими конфликтами 1999-2009 гг. // Информационные войны, №2, 2010.*
30. *Денисов А.А., Денисова Е.В. Подавление циклов Бойда: Новый принцип управления военными и политическими конфликтами // Информационные войны, №3, 2010.*
31. *Исмаилов Р.А., Переслигин С.Б. «Учение о темпах операции». СПб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002.*
32. *Переслигин С.Б. «Введение в теорию неаналитических операций». СПб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2000.*
33. *Переслигин С.Б. «Стратегия чуда. Введение в теорию неаналитических операций». СПб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002.*
34. *Лидделл Гарт Б. «Стратегия непрямых действий». – М.: ИЛ, 1957.*
35. *США: мы не позволим Ирану закрыть Ормузский пролив. URL: webground.su/topic/2011/12/28/t403/.*
36. *Медведский Д. «Иллюминация» КРИЗИСА. URL: www.zavtra.ru/content/view/illyuminatsiya-krizisa/.*
37. *Ракитянский Н.М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. 2012. № 4.*
38. *Разведка религиозных недр. Борьба за природные ресурсы в будущем примет форму войн за веру. URL: http://religion.ng.ru/politic/2009-04-01/6_razvedka.html.*
39. *Kurth J. The Protestant Deformation and American Foreign Policy // Orbis. – 1998. Spring. Vol. 42. No. 2.*
40. *Turner B. Social Cement / B. Turner, R. Bockock, K. Thoompson // Religion and Ideology, A reader. Ed. by, – Manchester: Manchester University Press, 1985. P. 236.*
41. *Негри А., Хардт М. Империя. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/hardt/01.php.*
42. *Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М., 2003. – С. 12.*
43. *Джемаль Г. Освобождение Ислама. – М., 2004.*
44. *Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность / Под ред. Д.Б. Малышевой. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2004. – С. 65.*
45. *Борисов Б. Многопроклятый мир. – М.: Русский обозреватель, 2009.*

Материал поступил в редакцию 12. 09. 2012 г.